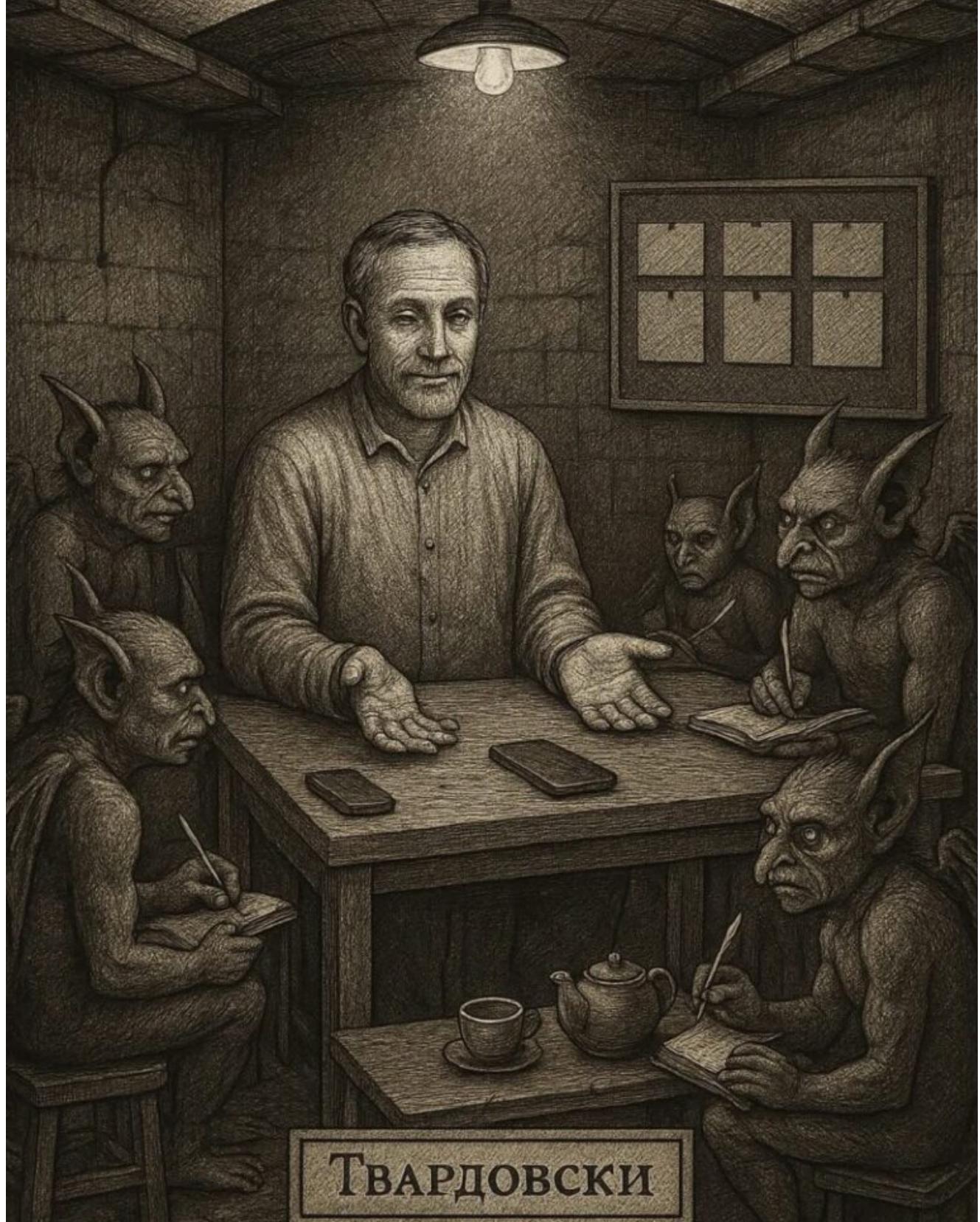

Бухгалтерия   смысла: кто оформляет закупку страданий?

БУХГАЛТЕРИЯ СМЫСЛА:
кто оформляет
закупку страданий?

ТВАРДОВСКИ

Я поймал себя на комичной сцене: сижу в собственном подвале психики, лампочка висит на проводе, пыль танцует как снег в июле, а мои демоны рассаживаются полукругом, достают тетрадки в клеточку и смотрят на меня глазами первоклассников. Я не стал лучше, просто в какой-то момент перестал дёргаться от каждого шороха в себе. Тень перестала быть пугалом, когда я перестал от неё убегать, и это звучит не как лозунг, а как бытовой факт, вроде на ночь выключить чайник из розетки.

Я долго думал, что эти ребята – это внешние существа с клыками и худсоветом. А оказалось, это мои же незавершённые процессы: злость, которая не нашла форму; стыд, который перепутал скромность с самопожиранием; вина без дела, как кот, который орёт не от голода, а от скуки; страх, которому дали доступ к микрофону системных уведомлений. Они не враги.

Они как шум холодильника – не злой, просто фоновый.

Пока не прислушаешься – кажется, что дом одержим.

Когда я начал отвечать за свои мысли, эмоции и решения, что-то щёлкнуло тихо, как выключатель под большим пальцем. Не началась война, а началось слушание. Сознание не воюет с мраком, оно просто включило свет и перестало представлять швабру за маньяка. Визуалам – картинка: тёмный коридор, включаю свет, и тёмная фигура оказывается вешалкой. Аудиалам – звук: гул тревоги вдруг расслаивается на вентилятор ноутбука и далёкие колокола, которые, оказывается, всего лишь уведомления. Кинестетикам – тело: тот самый камень в животе оказывается не гранитом судьбы, а необеденным сахаром, который просит воды и шага в сторону окна.

Жизнь дала примеры, сокрушив пафос. В супермаркете на кассе очередь как процессия великого поста, кто-то передо мной спорит за цену укропа или кинзы. Внутри шипит злость. Я не иду в бой, я отмечаю, как теплеют ладони, как плечи хотят подняться к ушам. Злюка, увиденный, перестаёт диктовать сценарий и уже спрашивает, как мне удобнее дышать. На работе прилетает письмо с темой из разряда срочно-вчера. Раньше я

разливал стыд по всей грудной клетке, теперь смотрю, кто именно внутри требует казни до расследования. Маленький внутренний прокурор делает вид, что спасает. Я наливаю ему чаю. Он смущённо снимает мантию, под ней худи и стремление быть полезным. В пробке с мигалками чужих нервов я вынимаю взгляд из ленты новостей, чувствуя педаль под стопой, реальный мир возвращается по тактильному каналу, как вибрация струны.

За столом в подвале я провожу семинар. Демон вины приходит с ковриком для йоги и спрашивает, будет ли выдан сертификат наставничества. Я ставлю печать картошкой; абсурд успокаивает лучше, чем серьёзность. Демон стыда достаёт КРІ: сколько раз в неделю следует самобичеваться для удержания статуса приличного человека. Мы разбираем метрику на детали и обнаруживаем, что это просто старый маркетинг эпохи, где внимание было валютой, а скромность – баннером для удержания трафика. Общество до сих пор продаёт подписку на тревогу и виноватость, как премиум-аккаунт, обещающий безопасность. Но рынок рушится локально, когда я перестаю платить.

И тут поднимается тема религии и философии – не как догма, а как старые карты. В пустыне это называли трезвиением, в дзен: просто сидением, в городской клинике: регуляцией, а на кухне: перестань себя накручивать. Апофатика шепчет не про то, какой Бог, а про то, что у меня внутри хватает идов из бытовой пены. Я замечаю, как тонко маскируется матричный код. Даже благородная идея, что будто бы есть некая высшая инстанция, расписывающая мне уроки, всё ещё попытка получить гарантию с печатью. Внутренний бухгалтер требует смысла на бумаге, иначе не подпишет платежку на жизнь. Я улыбаюсь и даю ему калькулятор без батареек, чтобы он немного отдохнул.

Самое неприятное для него открывается буднично: тень не требует ярмарки алхимии. Она распадается, когда я перестаю её чинить. Как снежинка на ладони, если перестать объяснять ей термодинамику. Раны не обязаны становиться компасом; компас хорош в тумане, но, когда проясняется, стрелка – лишний металлом в кармане. Энергия, убранная из бесконечного

комментирования, возвращается в мышцы, в глаза, в слух. Я вдруг слышу, как тикают реальные часы, а не только внутренний метроном катастроф. И вижу, что многое из того, что я называл внешним злом, было моим же отражением в кривом зеркале кухонного шкафа.

Я пробую иной вопрос. Не почему пришло, не зачем душа выбрала, а кто у меня внутри кормит этот сюжет пищей внимания. Какой именно персонаж держит подписку на трагедию, кто вешает новости в голове на красные нитки и пишет стрелочки маркером. Когда этот кто-то разоблачается, не надо воевать. Достаточно перестать выдавать талоны на питание. Процессы тут же теряют финансирование, отдел распадается сам, сотрудники расходятся по домам, захватив с собой свои драматические кружки.

И смешно, и серьёзно, как при исповеди, где вместо списков грехов ты вдруг начинаешь слышать, как скрипит лаваш реальности под пальцами. Я замечаю, что рост, которым меня кормили, часто всего лишь движение внутри игры: апгрейд брони, новый скин мудреца, прокачка навыка смирения до уровня легендарного предмета. Удобная MMORPG (Massively Multiplayer Online Role-Playing Game- многопользовательские онлайн-игры, в которых тысячи игроков могут взаимодействовать в одном виртуальном мире), для духовного эго, подписка продлевается автоматически. Я принимаю это как факт и кладу джойстик на стол. Руки вдруг становятся свободными для простых действий – налить воду, открыть окно, впустить воздух без учений.

И в этой тишине слышно ещё один щелчок – не громкий, почти личный, словно кто-то внутри закрыл лишнюю вкладку, и экран стал светлее на полтона, и вместо фанфар появляются обычные звуки кухни: чайник вздохнул, окно щёлкнуло рамой, где-то соседи уронили ложку так, будто закон всемирного тяготения – это их личная драма. Я сажусь с собой лицом к лицу, без посредников. Внутренний диалог больше не похож на допрос с пристрастием; он как ночной разговор на балконе:

- «Ты ещё не спишь?»
- «Да нет, просто слушаю, как мир шумит без меня».

Демоны возвращаются, но уже не в плащах, а в офисном кэжуале, с бейджами «стажёр тени». Просят наставничества. Смеёмся, потому что ирония неприлично очевидна: вчера они писали мне штрафы за чувства, сегодня спрашивают, где им поставить столы. Я показываю на стену: «Вот тут канбан. Колонка “наблюдать”, колонка “чувствовать”, колонка “не вмешиваться”. Столбца “исправить срочно” больше нет – снесли за непрофильную деятельность».

Злость поднимает руку: «А KPI?»

– «KPI один: не рулить. Ты теперь датчик жара, не огнемёт».

Вина мнётся: «А без меня люди станут безответственными».

– «Ты путаешь ответственность и самобичевание.

Первая – это аккуратная рука, которая моет чашку.

Второе – молоток по собственной голове за то, что чашка вообще существует».

Стыд глотает сухо: «Но общество...»

– «Общество – это мы в синхронной панике.

Давай попробуем синхронное присутствие».

Снаружи телефон норовит потеребить моё внимание вибрацией, как кот – щиколотку. Я кладу его экраном вниз, как кладут ребёнка спать, и на равных спрашиваю себя: кто опять оформил закупку смысла по завышенной цене? Внутренний закупщик краснеет, разводит руками: скидки не было, но обещали сертификат «продвинутого уровня души». Мне смешно. Духовное это шепчет, что без апгрейда я «не пройду босса». Я закрываю магазин. В тишине слышно, как простая жизнь шуршит изнутри, как простыни по верёвке, и это шуршание честнее любой манtry.

Я иду в лифт, он едет, как монастырский хорал, с вибрацией в груди. На первом этаже меня встречает запах пыли, древней, как апофатическая теология: чтобы понять, надо перестать пытаться назвать. Дзэн в этот момент выглядит как дверной доводчик: не хлопай. Суфийское кружение, как карусель детской площадки: если отпустишь себя внутри, мир перестанет валить наружу. Каббала мигает огнями маршрутов, но я в этот раз не считаю сфиrotы, я считаю вдохи, и это куда более смехотворно и

полезно.

Появляется абсурд, который раскрывает механику. Сидя в маршрутке, я представляю, как тень подаёт на меня в суд за «неиспользование»: мол, я перестал в неё инвестировать. Судья – тот же, что исповедник, тот же, что школьный завуч, тот же, что внутренний критик. Все роли – один актёр. Мы сходимся на мировом: я не обязуюсь вас любить, вы не обязуетесь меня мучить. Вы – органолептика существования, я – тот, кто перестал путать прибор с дирижёрской палочкой.

Дома меня ждёт священнодействие – посуда, которая пророчествует жирными кругами на воде. Это и есть литургия без слов: промыть тарелку, не вымывая себе память; протереть стол, не стирая собственное право не спасать мир сегодня. В этот момент приходит внутренний ребе и шепчет: «Смысл – это не бог, это сервис. Будет нужен – вызовешь. Не нужен – закроешь в трее».

Я устраиваю кадровые перестановки: страх переводится в отдел безопасности – пусть прислушивается к странным звукам ночью, но не пишет новости; вина – в бухгалтерию, где ей положено считать долги только по реальным договорам, а не по “мне показалось”; стыд – в отдел дизайна, раз уж он так заботится о внешнем виде, пусть фокусируется на аккуратности, а не на наказании; злость – в службу поддержки, для чёткого «нет» без объяснений. Разговор становится рабочим, как у людей, которые наконец перестали спорить о вере на планёрке и стали чинить проводку.

Где-то на фоне загораются рекламные билборды матрицы: «Стань лучшей версией себя!», «Проработай детство за выходные!», «Алхимия тени за 30 дней!». Я улыбаюсь иду дальше, как мимо бабушкиных советов по лечению всего зелёнкой. Иногда зелёнка – да, но не на сердце. Я не отрицаю развитие, я просто перестаю путать его с автобусным маршрутом, который возит меня кругами, пока я штампую билеты «я всё ещё в пути». Останавливаться не значит умирать, это значит выйти и пойти ногами, куда вообще-

то и надо.

Смешной эксперимент: я сажусь на стул и ничего не чиню в течение трёх минут. Внутренний айтишник хочет нажать Ctrl+Alt+Del души. Я говорю: «Мы уже нажали. Вышли из учётки фантазий». Сначала тянет назад, как магнитом – в заговоры, планы, расклады. Потом – оседает. Как пыль. И тогда слышу, как собственное дыхание играет на мне, как на флейте, совсем без дирижёра. Пальцы теплеют, взгляд перестаёт быть прицелом. У мира снова появляется глубина резкости.

Я снова встречаю тень. Теперь мы здороваемся как соседи, которым больше не надо играть в испанский сериал. Она шепчет: «Я, знаешь, никуда и не собиралась. Просто ты перестал меня брать на гастроли». Мы смеёмся и молчим. В молчании есть вкус – чуть железистый, как вода из старого ключа, и сладковатый, как облегчение после долгого шума.

И да, в какой-то странный момент это стало выглядеть именно так: мой «развитый» я перестал хотеть делегировать судьбу небесной канцелярии, демоны расселись на местах и стали задавать нормальные рабочие вопросы, а жизнь перестала требовать подписи на каждом шаге. Я отказался продолжать игру там, где больше нечем играть. Не из гордости, а из усталости от лишнего движения. И будто бы впервые заметил: свобода тихая, без баннеров, без победных песен. Она не продаётся, потому что её нельзя купить, хватить просто только не кормить то, что требует покупку.

Подытоживая без шапочки из фольги на голове, но с чувством юмора: я обнаружил, что «превзойти матрицу» – это не телепорт на уровень богов, а снять палец с кнопки «обновить драму». Демоны – это незавершённые алгоритмы, которым хватило перейти из режима «хозяева» в режим «датчики». Тень не нуждается в алхимии, потому что распадается от голода, если не кормить её вниманием-переносом власти. Рост полезен как мышцев, но свобода начинается там, где я откладываю штангу и выхожу из зала, потому что солнечный свет – не тренажёр.

Мораль, как в старых книжках, но без указки:
Не ищи наружу ни врага, ни спасителя.
Смотри, кто внутри оформляет закупку страданий и на чьё имя
выписан счёт.
Прекрати финансировать сюжет, и он перестанет сниматься.
Оставь себе базовые инструменты: внимание как свет, дыхание
как метроном, тело как барометр.
Всё остальное только спецэффекты.
А свобода – это не «стать лучше» и не «выиграть».
Это простое право не играть, когда игра больше не про тебя.
П. Твардовски Псикус Таткин